

ДЖОН

СТЕЙНБЕК

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

ДОЛГАЯ ДОЛИНА

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Джон Стейнбек

Долгая долина

«АСТ»

1938, 1966

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Стейнбек Д. Э.

Долгая долина / Д. Э. Стейнбек — «АСТ», 1938,
1966 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-110713-0

«Долгая долина» – сборник рассказов, впервые опубликованный Стейнбеком в 1938 году и утвердивший славу писателя как одного из ведущих мастеров американской прозы. Многие рассказы из этой замечательной книги уже переводились и включались в различные антологии, но целиком «Долгая долина» издается на русском языке впервые. Герои рассказов Стейнбека – фермеры и рабочие, скучающие домохозяйки и мирные обыватели маленьких городков. На первый взгляд в их тихой жизни мало что происходит, – так откуда над мирным, уютным существованием тень какой-то смутной, необъяснимой угрозы? Почему обычные, неприметные люди в любую минуту способны обратиться в толпу кровавых линчевателей, а скука домохозяек – стать драмой невозвратно погубленной жизни?..

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-110713-0

© Стейнбек Д. Э., 1938, 1966

© АСТ, 1938, 1966

Содержание

Хризантемы	6
Белая перепелка	13
Побег	21
Змея	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Джон Стейнбек

Долгая долина

Серия «Эксклюзивная классика»

John Steinbeck

THE LONG VALLEY

Печатается с разрешения The Estate of Elaine Steinbeck и литературных агентств McIntosh and Otis и Andrew Nurnberg.

© John Steinbeck, 1938, 1966

Школа перевода В. Баканова, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Хризантемы

Густой и мягкий, как серая фланель, туман скрывал долину Салинас от неба и всего остального мира. Подобно крышке сидел он на опоясывающих долину горах, отчего сверху она напоминала огромную закрытую кастрюлю. На широком ровном дне долины сверкали стальным блеском ровные пластинки черной земли, взрезанной острыми лемехами плугов. Скошенные поля на фермах у подножия гор будто купались в бледном солнечном сиянии, хотя в декабре никакого солнца здесь не было и в помине. Листья густого ивняка на берегах реки пылали ярким, жизнерадостным желтым огнем.

То было время тишины и ожидания. Воздух был прохладен и нежен. С юго-запада дул легкий ветер, будя в фермерах робкую надежду на скорые дожди; только ведь туман и дождь – явления несовместимые.

На другом берегу реки Салинас, у подножия гор, расположилось ранчо Генри Аллена. Работы в эту пору почти не было: сено давно скосили и убрали в сараи, а вспаханные грядки терпеливо дожидались дождя. Скот на горных пастбищах обрастал жесткой лохматой шерстью.

Элиза Аллен копалась в цветочных клумбах. Бросив случайный взгляд через двор, она заметила, что ее муж Генри беседует с двумя незнакомыми господами в деловых костюмах. Все трое стояли под навесом у трактора, маленького «фордзона», опираясь на него одной ногой: рассматривали машину, курили и о чем-то разговаривали.

Понаблюдав за ними с минуту, Элиза вернулась к работе. Ей было тридцать пять лет. На худом волевом лице блестели прозрачные, как вода, глаза. В садовой одежде она выглядела грузной и крепкой: на ногах тяжелые ботинки, черная мужская шляпа надвинута чуть не на самые брови, цветастое ситцевое платье почти полностью скрыто длинным вельветовым фартуком с четырьмя большими карманами для секатора, лопатки, скребка, ножа и семян. Грубые кожаные перчатки защищали руки от грязи и порезов.

Мощным секатором Элиза срезала сухие стебли отцветших хризантем, то и дело поглядывая на людей под навесом. Ее живое красивое лицо лучилось внутренней силой, и даже ножницами она работала чересчур усердно, чересчур напористо. Нежные хризантемы под таким напором сразу сдавались.

Элиза смахнула со лба выбившийся из шляпы локон и ненароком запачкала землей щеку. За ее спиной стоял аккуратный белый домик, по самые окна заросший красной геранью. По всему было видно, как усердно его подметали и драили: окна ярко сверкали на солнце, у дверей лежал чистый коврик.

Элиза бросила еще один взгляд на навес: незнакомцы уже садились в свой «фордзон». Она сняла перчатку и погрузила сильные пальцы в молодую зеленую поросль хризантем, выросшую из старых корней. Разведя в стороны листья, она внимательно пригляделась к частым стебелькам, но никакой живности не заметила: ни тли, ни мокриц, ни улиток. Ее пытливые пальцы сразу уничтожали любых вредителей, стоило им завестись.

Элиза вздрогнула, услышав голос мужа: Генри подошел незаметно и прислонился к проволочной ограде, защищавшей ее цветник от скота, кур и собак.

– А, ты опять за свое! – сказал он. – Смотрю, хризантемы в этом году снова вымахают.

Элиза выпрямилась и надела снятую перчатку.

– Ну да, скорее всего. Поросль крепкая.

В ее голосе и выражении лица чувствовалось легкое самодовольство.

– У тебя прямо дар, – заметил Генри. – Желтые хризантемы в этом году чуть не десять дюймов в диаметре были! Работай ты в саду, может, и яблоки бы такие же уродились.

Элиза сверкнула глазами.

– Глядишь, и уродились бы! У меня дар, это ты верно заметил. От матери достался. Она хоть сухую палку могла в землю воткнуть – та на следующий день листочки выпускала. Говорила, что у нее зеленые руки – такие знают подход к растениям.

– Ну, к цветам твои руки точно нашли подход.

– Генри, а с кем это ты сейчас разговаривал?

– Тьфу, да я ж затем и пришел, чтоб рассказать. Они из Западного мясного комбината. Я им тридцать трехгодовалых бычков продал! По хорошей цене.

– Молодец, – похвалила мужа Элиза. – Очень рада.

– И вот что я подумал: сегодня же суббота. Мы могли бы съездить в Салинас и поужинать в ресторане, а потом в кино сходить – ну, отпраздновать такое дело.

– С удовольствием, – повторила Элиза. – Повеселимся!

Генри сменил тон на шуточно-издевательский:

– Вечером будут бои. Не хочешь посмотреть?

– Вот уж нет! – выпалила Элиза. – Еще чего выдумал, бои!

– Да я же дурачусь, Элиза. Сходим в ресторан и в кино. Так, сейчас два часа. Я возьму Скотти и приведу с холма бычков. Это займет у нас пару часов, не больше. А в пять поедem в город и отужинаем в гостинице «Коминос». Как тебе такой план?

– Прекрасный план! Хоть от стряпни отдохну.

– Вот и славно. Пойду за лошадьми.

– А я как раз успею рассадить эту молодежь, – сказала Элиза.

Она услышала, как муж подзывает Скотти к сараю, а чуть позже увидела обоих мужчин на бледно-желтом склоне: они поехали за бычками.

Для молодой поросли Элиза приготовила небольшую квадратную клумбу с песком. Разрыхлив почву садовой лопаткой, она проделала в ней десять параллельных канавок для саженцев, потом вернулась к старой клумбе и стала выкапывать хрустящие зеленые стебельки, обрезать с них листья и складывать будущую рассадку в аккуратную кучку.

Тут издали донесся скрип колес и топот копыт. Элиза подняла голову. Сквозь густой ивняк и тополя на речном берегу вилась проселочная дорога, и по ней сейчас медленно катила диковинная повозка, запряженная старой гнедой клячей и маленьким бело-серым осликом. То был древний рессорный фургон с круглым крытым верхом, на каких в стародавние времена ездили переселенцы. На облучке сидел небритый здоровяк, а сзади, между колесами, степенно вышагивала поджарая дворняга. По брезенту шла надпись корявыми буквами: «Каструли, сковородки, ножи, ножницы, гонококосилки. Чиню!» Длинный список наименований, а под ним – гордое и решительное: «ЧИНЮ!» Под каждой буквой Элиза заметила потеки черной краски.

Она сидела на корточках и дивилась на проезжающий мимо расхлябанный фургон. Вот только мимо он не проехал, а со скрипом и скрежетом свернул на дорожку, ведущую к их дому. Поджарый пес выскочил из-под колес и бросился вперед. Две фермерские овчарки тут же вылетели ему навстречу. Все трое резко остановились, выпрямив лапы, и стали медленно кружить на месте, вышагивая с царским достоинством и настороженно принохиваясь. Повозка подъехала к провололочной ограде цветника и остановилась. Беспородный пес, почувствовав численное преимущество врага, поджал хвост и с оскаленной пастью вернулся под телегу.

Возчик крикнул:

– Вы не подумайте, стоит этому псу раззадориться – в бою ему не будет равных!

Элиза рассмеялась.

– Верю! И часто он раззадоривается?

Возчик тоже засмеялся в ответ – весело и от всего сердца.

– Неделями отдыхает!

Он кое-как слез на землю. Кляча и ослик тут же свесили головы, точно увядшие цветы.

Элиза убедилась, что возчик и впрямь здоровяк, каких поискать. Волосы и борода у него были с проседью, но стариком он не выглядел. Его грязный черный костюм весь измялся и обносился. Стоило утихнуть смешливому голосу, как смех пропал и из его глаз. Они были темные и задумчивые, какие часто бывают у моряков и погонщиков. Мозолистые руки – в черных трещинах. Он снял с головы мятую шляпу и сказал:

– Я тут с пути сбился, мэм! Не подскажите, эта дорога выведет меня на лос-анджелесское шоссе?

Элиза встала и убрала секатор в карман фартука.

– Ну да, вывести-то выведет, только покружить придется да реку вброд перейти. Вряд ли ваша упряжка песок одолеет.

– Вы еще не видели, на что способны эти звери!

– Когда раззадорятся? – уточнила Элиза.

Здоровяк коротко улыбнулся:

– Ага, вот именно.

– Словом, вы сэкономите время, если вернетесь на дорогу до Салинаса, а уж оттуда выберетесь на шоссе.

Возчик провел большим пальцем по проволочному забору, и тот загудел.

– А я никуда не тороплюсь, мэм. Я каждый год езжу из Сиэтла в Сан-Диего и обратно. Все время на дорогу уходит. По полгода трясусь в телеге: за хорошей погодой гоняюсь, так-то.

Элиза сняла перчатки, запихнула их в карман с секатором и тронула краешек своей мужской шляпы: не выбились ли волосы?

– Славно вам живется, должно быть, – сказала она.

Здоровяк доверительно перегнулся через забор.

– Может, заметили надпись на моей повозке? Я починкой кухонной утвари промышляю. Точу ножи, ножницы. Найдется работенка?

– А-а, нет! – выпалила Элиза. – Нечего мне чинить. – Она посмотрела на него с вызовом.

– Самое сложное – это ножницы, – пояснил здоровяк. – Люди их только портят почему зря, когда пытаются наточить, а я свое дело знаю. У меня особый инструмент. Патентованный! Ножницы как новенькие будут.

– Нет, спасибо, мои и так острые.

– Очень рад. А вот взять кастрюли! – с жаром продолжал он. – Щербатые, дырявые, погнутые – я всякие чиню, можно хорошо сэкономить на новых.

– Нет! – отрезала Элиза. – Я же сказала, нет у меня для вас работы.

Его лицо все осунулось в напускной скорби. В голосе послышались плаксивые нотки:

– Я сегодня за весь день ничегошеньки не заработал! Глядишь, так голодным и лягу спать. Понимаете, я же сбился с дороги. Там, где я обычно езжу, люди меня знают и ждут. Нарочно приберегают вещи на починку, потому что я хороший мастер и завсегда им деньги сэкономлю.

– Извините, – с досадой ответила Элиза, – но у меня ничего нет.

Взгляд здоровяка оторвался от ее лица и стал блуждать по земле, пока не наткнулся на клумбу с хризантемами.

– А что это за растения, мэм?

Досада и вызов мгновенно исчезли с лица Элизы.

– О, это хризантемы, гигантские белые и желтые, я их каждый год выращиваю. У меня самые лучшие в округе!

– Это такие большие цветы на длинных стеблях? Еще на облачка цветного дыма похоже?

– Ну да, они. Как вы интересно их описали!

– Только пахнут ужасно, особенно с непривычки.

– Выдумали тоже, – обиделась Элиза, – приятный горьковатый запах!

– Да нет, мне и самому нравится! – спохватился здоровяк.

– В этом году у меня десятидюймовые уродились, – похвасталась Элиза.

Он опять перегнулся через забор.

– Слушайте, у меня неподалеку знакомая дама живет, садик у нее – загляденье! Цветы какие хочешь растут, а вот хризантем нет. В прошлом году я ей чинил медную лохань (задача непростая, но я свое дело знаю), а она и говорит: «Если увидишь где красивые хризантемы, попроси для меня немножко семян». Так и сказала.

Глаза у Элизы тут же загорелись.

– Видать, ничего она в хризантемах не понимает! Их, конечно, можно и из семян вырастить, да только гораздо проще посадить сразу вот такой саженец.

– А-а... Значит, ничего не выйдет.

– Отчего же! – воскликнула Элиза. – Я вам дам несколько, посажу в мокрый песок, а вы довезете. Если их поливать, они хорошо приживутся. А потом ваша знакомая их пересадит куда нужно.

– О, она будет очень рада! Красивые, говорите?

– Очень, очень красивые! – Ее глаза сияли. Она стянула с головы мягкую шляпу и тряхнула красивыми темными волосами. – Я посажу их в цветочный горшок, а вы отвезете. Пройдите во двор.

Пока здоровяк шел к деревянным воротам, Элиза взволнованно побежала по обсаженной геранью дорожке к задней части дома. Вернулась она с большим красным горшком. Забыв про перчатки, она присела к новой клумбе и голыми руками набрала в горшок песчаной земли, потом взяла горсть только что заготовленных саженцев, сильными пальцами вжала их в землю и прикопала. Здоровяк к этому времени уже стоял над ней.

– Я вам расскажу, что надо делать. Запомните хорошенько и объясните своей знакомой.

– Попробую!

– Тогда слушайте. Примерно через месяц они приживутся, и тогда их можно будет рассадить. Сажать надо примерно в футах друг от друга и в хорошую плодородную почву. Вот как эта. – Элиза показала ему горсть черной влажной земли. – Тогда они быстро вымахают. А вот главный секрет, запомните и передайте своей знакомой: в июле хризантемы надо срезать. Оставить дюймов восемь над землей.

– До цветения? – удивился ее новый знакомый.

– Вот именно! – Лицо Элизы все напряглось от волнения. – Они заново вырастут, не переживайте! А в конце сентября завяжутся первые бутоны.

Она умолкла и как будто растерялась.

– Завязывание бутонов – самый ответственный момент, – нерешительно проговорила Элиза. – Не знаю, как это объяснить... – Она посмотрела ему в глаза. Ее губы чуть приоткрылись, она словно к чему-то прислушивалась. – Но я попробую... Вы когда-нибудь слышали такое выражение: «зеленые руки»?

– Наверяд ли, мэм.

– Ну, я могу только ощущение описать. Оно наступает, когда надо отщипнуть все лишние бутоны. Как будто щекотание в кончиках пальцев... Пальцы сами все делают, а ты за ними только смотришь... Они перебирают, перебирают бутоны... И нипочем не ошибутся. Они словно сами превращаются в растение, понимаете? Сливаются с ним в одно целое. И ты это чувствуешь руками. Им лучше знать. Они не ошибаются. Ты это чувствуешь. С таким настроением непременно все сделаешь правильно. Понимаете? Вы понимаете?

Элиза стояла на коленях и смотрела на него снизу вверх. Ее грудь страстно вздымалась.

Возчик прищурился и застенчиво отвел взгляд.

– Может, и понимаю... По ночам в повозке мне иногда...

Элиза его перебила.

– Я никогда не жила такой жизнью, как ваша, но я могу понять... – проговорила она с томлением и хрипотцой в голосе. – Ночью так темно, и только звезды... они такие колючие, вокруг тихо-тихо! А вы встаете, распрямляетесь... И каждая колючая звездочка впивается в ваше тело! И от них так горячо и больно, но все равно... чудесно!

Элиза стояла перед ним на коленях, и вдруг ее рука двинулась к его ногам в засаленных черных штанах. Элиза почти тронула ткань, но в последний миг уронила руку и вся сжалась, как побитая собака.

– Ну да, славно бывает, дело вы говорите. Только без ужина по ночам не очень-то славно.

Тогда Элиза резко поднялась, пряча красное от стыда лицо, и бережно протянула ему цветочный горшок.

– Вот, поставьте его в повозку на сиденье – чтобы приглядывать. Мало ли, вдруг опрокинется. Подождите немного тут, я поищу для вас какую-нибудь работу.

Вернувшись в дом, Элиза разворошила гору посуды, выудила оттуда две помятые алюминевые кастрюльки и отнесла их мастеру.

– Вот, сможете починить?

Тот сразу переменялся в лице и голосе.

– Станут как новенькие! – произнес он важно, со знанием дела.

Установив в задней части своей повозки небольшую наковальню, он вытащил из промасленного ящика для инструментов маленький механический молот и принялся за работу. Элиза вышла за ворота посмотреть, как он чинит ее кастрюли. Трудился он с суровым, знающим видом, а в самых сложных местах прикусывал нижнюю губу.

– Вы спите прямо в повозке? – спросила Элиза.

– Ну да, мэм, в повозке. Мне в ней ни дождь, ни зной не страшен.

– Славно вам, наверное, живется, – проговорила она. – Жаль, нам так жить не полагается.

– Да что вы, не женское это дело!

Элиза приподняла верхнюю губу, обнажив зубы.

– А вам откуда знать? Что вы вообще понимаете?

– Правильно, мэм! – оскорбился мастер. – Откуда мне знать? Вот ваши кастрюльки, держите. Теперь и новых покупать не надо!

– Сколько с меня?

– Полтиной обойдусь! Я цены не задираю, а работаю справно. Поэтому у меня всюду столько довольных клиентов.

Элиза принесла из дома пятьдесят центов и дала их мастеру.

– Знаете, а у вас может появиться конкурент. Я тоже умею точить ножницы. И битые кастрюли выпрямлять. Я бы вам показала, на что способны женщины!

Мастер положил молоток обратно в ящик и убрал подальше наковаленку.

– Нет, мэм, для женщины такая жизнь шибко одинокая. И страшная – под повозкой всю ночь шебуршит всякая живность. – Он перелез через валёк, держась за белый ослиный круп, устроился на сиденье и взял в руки поводья. – Спасибо вам большое, мэм. Я слушаюсь вашего совета: вернусь на дорогу к Салинасу.

– Только не забывайте поливать песок! – крикнула Элиза напоследок.

– Песок? Какой песок, мэм?.. А-а! Вы про хризантемы. Не забуду, будьте спокойны. – Он цокнул языком, кляча и ослик вальяжно тронулись с места, а пес занял свой пост между задних колес. Повозка развернулась и покатила обратно вдоль берега реки.

Элиза стояла у ограды, провожая взглядом медленно отъезжающую повозку. Плечи она расправила, голову запрокинула и смотрела чуть прищурившись, так что все плыло перед глазами. Ее губы беззвучно складывали слова: «Прощайте. Прощайте». А потом она прошептала:

– Уехал в сияющий край...

Звук собственного голоса напугал Элизу, она вздрогнула и осмотрелась по сторонам: не слышал ли кто? Слышали только собаки, спящие в пыли на дороге. Они вытянули головы, потом почесались и заснули вновь. Элиза торопливо зашагала к дому.

На кухне она достала из-за печки канистру с нагретой после обеденной стряпни водой. Элиза прошла в ванную комнату, скинула с себя грязную рабочую одежду и бросила ее в угол, а потом принялась докрасна тереть пемзой все тело: ноги, руки, бедра и туловище. Намывшись вволю, она вытерлась полотенцем, встала перед зеркалом и принялась разглядывать свое тело. Втянула живот, расправила грудь. Повернулась к зеркалу спиной и посмотрела через плечо на спину.

Через несколько минут Элиза стала медленно одеваться. Выбрала самое новое белье, самые лучшие чулки и платье, которое всегда было символом ее красоты. Аккуратно причесалась, подкрасила брови и губы.

Не успела она закончить туалет, как снаружи раздался топот копыт и крики Генри и его помощника: они заводили бычков в загон. Громко хлопнули ворота, и Элиза приготовилась встречать мужа.

На крыльце послышались его шаги. Он вошел в дом и позвал ее:

– Элиза, ты где?

– В комнате, одеваюсь. Я еще не готова. Там горячая вода в тазу, сполоснись! Да поживей, уже поздно.

Услышав, как муж плещется в ванной, Элиза положила на кровать его темный костюм, рубашку, носки и галстук, а на пол поставила вычищенные и натертые до блеска ботинки. Затем она вышла на крыльцо, присела, расправив плечи и спину, и посмотрела на дорогу. Вдоль берега реки все еще пылали желтым заросли ивняка, которые в зимнем тумане казались тонкой полоской солнечного света. Весь остальной мир был серым. Элиза сидела так очень долго, совсем не шевелясь и почти не моргая.

Из дверей с грохотом вылетел Генри, на ходу засовывая галстук под жилет. Элиза вся напряглась, лицо ее окаменело. Генри резко остановился и посмотрел на жену.

– Ух... ух ты! Чудесно выглядишь!

– Чудесно? И как же это понимать – «чудесно»?

Генри смутился:

– Ну, не знаю... Ты выглядишь как-то чудно, по-другому как-то. Сильной... и счастливой.

– Я сильная? Ну да, так и есть. А что ты имеешь в виду?

Ее вопрос окончательно сбил Генри с толку.

– Да не знаю я... В игры со мной играть вздумала? – беспомощно выдавил он. – Издеваешься, да? Ты выглядишь такой сильной, будто враз переломишь о колено теленка и не поморщишься. А потом съешь его, как арбуз.

Элиза на мгновение смягчилась.

– Генри, ну что ты несешь? Не говори так! Болтаешь всякую чепуху. – А потом вмиг стала прежней и хвастливо добавила: – Хотя ты прав, я сильная. Раньше я и знать не знала, какая сильная.

Генри странно посмотрел на навес для трактора, а потом снова на жену, и взгляд у него сделался прежний, привычный.

– Пойду выведу из гаража машину. Ты пока надевай пальто.

Элиза вернулась в дом. Она услышала, как муж подъехал к воротам и поставил машину на холостой ход, и только тогда стала надевать шляпку, поправляя то тут, то там. Когда муж заглушил мотор окончательно, Элиза накинула пальто и вышла на улицу.

Их маленький двухместный автомобиль катил по проселочной дороге, прыгая на ухабах, распугивая птиц и загоняя в кусты кроликов. Над полосой желтых ив пролетели, широко размахивая крыльями, два журавля.

Элиза заметила далеко впереди, прямо на дороге, какую-то темную горку. И сразу все поняла.

Когда они проезжали мимо, она силилась не смотреть на горку, но глаза не слушались. Она с грустью прошептала под нос: «Верно, выбросил за ненадобностью. Но горшок сохранил. Правильно, его-то у дороги не бросишь».

Дорога повернула, и сразу за поворотом Элиза увидела знакомый фургон. Она развернулась лицом к мужу, чтобы не видеть ни крытой повозки, ни диковинной упряжки.

А в следующую секунду они проехали мимо. Элиза даже не оглянулась.

Громко, перекрикивая рев мотора, она сказала мужу:

– Какой славный будет вечер! И поужинаем вкусно!

– Опять ты изменилась, – недовольно пробурчал Генри, снял одну руку с руля и погладил ее колено. – Надо чаще вывозить тебя в город. Нам это полезно, уж очень мы выматываемся на ранчо.

– Генри, – обратилась к нему жена, – а вино за ужином будет?

– Конечно, если хочешь. Вино – дело хорошее.

Элиза немного помолчала, а потом спросила:

– Генри, а на этих боях люди очень друг дружку калечат?

– Иногда бывает, но не часто. А что?

– Ну, я просто читала, как они ломают носы, и кровь потом по груди течет... А перчатки у них насквозь пропитываются кровью.

Генри удивленно посмотрел на жену.

– Да что с тобой, Элиза? Я и не знал, что ты такое читаешь. – Он притормозил и свернул на мост через реку Салинас.

– А женщины тоже ходят смотреть на бои? – спросила Элиза.

– Бывает и такое. А что? Хочешь посмотреть? Вряд ли тебе понравится это зрелище, но если хочешь, я тебя свожу.

Она вся обмякла.

– Да нет, что ты! Не хочу я на бои. Вот еще. – Она отвернулась к окну. – Просто выпьем вина, и все. Вина будет достаточно.

Элиза подняла воротник пальто, пряча от мужа слезы – слезы слабой старухи.

Белая перепелка

I

Стену напротив камина занимало большое мансардное окно, протянувшееся от встроенного в подоконник диванчика почти до самого потолка, – маленькие граненые стекла в свинцовом переплете. Из окна, если сесть на диванчик, открывался вид на сад и на склон холма. В саду, в прохладной тени дубов зеленел газон, и вокруг каждого дерева темнел кружок ухоженной земли, где росли цинерарии всех цветов радуги, от алых до ультрамариновых: бутоны у них были такие крупные, что стебли гнулись под их тяжестью. По краю лужайки выстроились невысокие деревца фуксий. Прямо перед ними блестел неглубокий декоративный прудик: вода в нем была точно вровень с землей по одной весьма веской причине.

Сразу за садиком начинался подъем: склон холма зарос дикой крушиной и ядовитым сумахом, сухой травой и буйным виргинским дубом, – если не обойти дом спереди, казалось, он стоит в дикой глуши, а не на краю города.

Мэри Теллер (а точнее, миссис Гарри Э. Теллер) знала, что и окно, и садик устроены безупречно, и эта уверенность была вполне обоснованной. Не она ли выбрала место для дома и сада? Не она ли тысячу раз видела дом и сад в своих мечтах, когда здесь и в помине ничего не было, и только бурьян шуршал на ветру у подножия холма? Раз уж на то пошло, не она ли целых пять лет приглядывалась к каждому заботливому и чуткому мужчине, раздумывая, подойдет ли он для этого дома и сада? Мэри беспокоило не то, понравится ли ему такой сад. О нет, она ставила вопрос совсем иначе: «Понравится ли саду такой человек?» Ибо сад был ею самой, а замуж надо идти только за того, кто тебе нравится.

Когда она познакомилась с Гарри Теллером, саду он вроде бы приглянулся. Гарри сделал ей предложение и угрюмо дожидался ответа, как вдруг Мэри разразилась пространным описанием их будущего дома с большим мансардным окном, заросшего холма и садика с газоном, дубками и цинерариями.

– Конечно, так все и будет, – немного удивленно, однако без явного интереса ответил он.

– Какая я глупая, правда? – спросила Мэри.

Гарри все еще угрюмо ждал ответа.

– Ну что ты...

Тут Мэри наконец вспомнила о предложении, благосклонно его приняла и позволила Гарри себя поцеловать.

– А еще в саду будет маленький прудик вровень с землей. Знаешь, зачем? На нашем холме живет множество певчих птиц: там и овсянки, и дикие канарейки, и красноплечие дрозды, и, конечно же, воробьи с коноплянками, и огромное множество перепелок! Все они станут прилетать в наш сад, чтобы попить воды.

Мэри была очень хорошенькая. Гарри хотелось зацеловать ее всю, и она разрешила.

– Ах да, и фуксии! – вспомнила она. – Не забудь про фуксии. Они похожи на тропические рождественские елочки, правда? Только надо будет каждый день сгребать с лужайки дубовые листья, не то ее совсем запорошит.

Гарри расхохотался.

– Сумасшедшая стрекоза! У нас еще ни земли, ни дома, ни сада, а ты уже переживаешь за лужайку. Прелесть ты моя! Смотрю на тебя и... съесть хочется!

Это немного напугало Мэри. По ее лицу пробежала тень досады. Однако же она подарила Гарри еще один поцелуй на прощание, отправила его домой и вернулась в свою комнату. Там

Мэри села за голубой письменный столик и раскрыла тетрадь, в которую записывала разные разности. Она взяла ручку, украшенную павлиньим пером, и аккуратно вывела: «Мэри Теллер», потом еще и еще, а раз или два написала по-другому: «Миссис Гарри Э. Теллер».

II

Свадьбу сыграли, землю купили, дом построили. Мэри нарисовала подробный план сада и внимательно следила за рабочими, пока его разбивали. Она продумала все до дюйма и не желала поступаться ничем. Прудик вырыли и залили цементом строго по ее чертежам: он напоминал сердечко без острия снизу, с плавно изгибающимися боками, чтобы птицам было удобно пить.

Гарри наблюдал за женой с искренним восхищением.

– Кто бы подумал, что такая красotka еще и дело умеет делать!

Мэри было приятно это слышать, а поскольку и настроение у нее было прекрасное, она сказала Гарри:

– Если хочешь, ты тоже можешь посадить что-нибудь в саду.

– Нет уж, Мэри, мне слишком нравится смотреть, как ты воплощаешь в жизнь свои мечты. Делай все по-своему.

Какой же у нее чудесный муж! А с другой стороны, это все-таки ее сад. Она сама его нарисовала, сама претворила в жизнь и тщательно продумала все сочетания цветов. А вдруг Гарри захотел бы посадить что-то из ряда вон? Ничего хорошего бы из этого не вышло.

Наконец под дубами зазеленела лужайка, а в закопанных горшочках зацвели пестрые цинерарии. Деревца фуксий привезли и пересадили из вазонов так бережно, что не завял ни один листочек.

На встроенный в подоконник диван Мэри положила гору подушечек из ярких светостойких тканей, поскольку солнце почти весь день палило в окно.

Она терпеливо ждала, когда все задуманное ею исполнится до мельчайших подробностей, и в один прекрасный день, когда Гарри вернулся домой с работы, Мэри подвела его к мансардному окну и тихо сказала:

– Вот, смотри. Теперь все именно так, как я мечтала!

– Красиво! – восхитился Гарри. – Очень красиво!

– Знаешь, мне даже немножко грустно, что все закончено, – призналась она. – Но рада я куда больше. Обещай, что мы никогда ничего не изменим в нашем саду! Если какое-нибудь растение погибнет, мы посадим на его место точно такое же.

– Ты моя сумасшедшая стрекоза, – ласково сказал Гарри.

– Пойми, я так долго об этом мечтала, что и дом, и сад стали частью меня. Если здесь что-нибудь изменится, это как... как вырвать кусок моего сердца!

Гарри осторожно дотронулся до жены, потом отнял руку.

– Я так тебя люблю, – сказал он. – Но в то же время и боюсь.

Мэри скромно улыбнулась:

– С чего бы это? Что во мне такого страшного?

– Ну, ты как будто... неприкосновенна. Есть в тебе какая-то непостижимая загадка. Ты похожа на свой сад: идеально продуманный раз и навсегда. Мне и пройти мимо страшно, вдруг ненароком потревожу твои драгоценные растения.

Мэри была очень довольна.

– Дорогой, это ведь все благодаря тебе! Ты подарил мне этот сад. Да-да, именно ты! – И она позволила мужу себя зацеловать.

III

Гарри очень гордился женой перед приходившими к ним гостями. Она была такая красивая, такая невозмутимая и идеальная. Цветы в ее вазах были безупречны, а о саде она рассказывала робко и стеснительно, словно говорила о самой себе. Иногда она вела гостей в сад и показывала на какую-нибудь фуксию.

– Я очень переживала, что она здесь не освоится, – говорила Мэри словно бы о живом человеке. – Вы не поверите, сколько она слопала удобрений!

Работа в саду доставляла ей огромное удовольствие. Мэри надевала яркое платье без рукавов, с пышной юбкой ниже колен и неизвестно откуда взявшуюся пляжную шляпку. Руки она защищала хорошими прочными перчатками. Гарри нравилось смотреть, как жена ходит по саду с совочком и подсыпает цветам удобрения. А по вечерам они любили вместе убивать жуков и улиток. Мэри только держала фонарик, а убивал Гарри: от вредителей оставались мокрые склизкие пятна. Он знал, что ей наверняка противно на это смотреть, но фонарь всегда светил ровно и не дрожал. «Смелая моя девочка, – думал он. – За этой хрупкой красотой прячется железная воля». Да и вообще охотиться вместе с женой было куда веселее, чем одному.

– Вон смотри, какой жирный, ползет и ползет! – восклицала она. – Он хочет сожрать тот большой цветок, точно тебе говорю. Убей его, убей!

После такой охоты они возвращались домой, весело хохоча.

Мэри очень тревожилась из-за птиц.

– Что же они не прилетают к нам пить? – жаловалась она. – Вернее, прилетают, но мало и редко. Интересно, что их отпугивает?

– Да просто еще не сообразили, не привыкли. Скоро начнут прилетать, не бойся. А может, где-нибудь поблизости кошка гуляет.

Лицо Мэри тут же вспыхнуло, она глубоко втянула воздух. Ее хорошенькая верхняя губа приподнялась и обнажила зубы.

– Если к нам повадилась кошка, я ее отравленной рыбой накормлю! Не позволю никаким кошкам распугивать моих птиц!

Гарри пришлось ее успокаивать.

– Вот что мы сделаем. Я куплю пневматическое ружье, а как увижу кошку – тут же ее подстрелю. Пулька ее не убьет и не ранит, зато напугает, и кошка сюда не вернется.

– Ладно, – уже спокойнее проговорила Мэри. – Это ты славно придумал.

В гостиной по вечерам было очень хорошо. Мерно потрескивал огонь в камине, а когда всходила луна, Мэри тушила свет, и они вместе смотрели в окно на прохладный синий сад и темные дубки.

Мир за окном был спокойный, вечный... Сразу за их садиком начинались густые дикie заросли.

– Это наш враг, – однажды сказала Мэри. – Внешний мир хочет вторгнуться в наши владения – необузданный, дикий, запущенный. Но фуксии его не пускают. Да-да, я затем их и посадила, и им это хорошо известно. Вот птички могут к нам залетать. Они живут на природе, а в мой сад прилетают, чтобы спокойно попить и отдохнуть. Сегодня вечером я заметила перепелок: штук десять сидели у пруда и пили воду.

– Хотел бы я залезть в твою головку и понять, что там происходит, – сказал Гарри. – Со стороны ты кажешься взбалмошной, а на самом деле у тебя очень собранный и спокойный ум. Такой... уверенный в себе.

Мэри ненадолго присела мужу на колени.

– Не такой уж уверенный. Ты просто не видишь этого и не знаешь. И хорошо, что не знаешь.

IV

Как-то вечером Гарри сидел под лампой и читал газету. Вдруг Мэри подскочила на месте: – Надо же, забыла на улице садовые ножницы! От росы они заржавеют.

Гарри посмотрел на жену поверх газеты:

– Хочешь, я за ними схожу?

– Нет, я сама, ты не найдешь.

Она вышла в сад, нашла ножницы и заглянула с улицы в дом, в гостиную. Гарри все еще читал газету. Комнату было видно в мельчайших подробностях, так что Мэри она показалась картинкой или декорациями к спектаклю, который вот-вот начнется. В камине плавно колыхалось пламя. Мэри стояла недвижно и смотрела. Вот большое глубокое кресло, в котором она сидела всего минуту назад. Что бы она сейчас делала, если бы не вышла на улицу? Положим, в сад вышла только ее душа, а сама Мэри осталась в гостиной... Она практически видела себя в этом кресле: нежное изящное лицо повернуто в профиль, глаза задумчиво смотрят на огонь.

– Интересно, о чем она думает? – прошептала Мэри. – Что у нее на уме?

Она сейчас встанет и уйдет? Нет, сидит себе. Вырез у платья слишком широкий, и ляпка немного сползла на плечо. Но это даже красиво. Небрежно, мило и романтично. А теперь она улыбается. Верно, подумала о чем-нибудь приятном.

Внезапно Мэри очнулась от забытья, поняла, что с ней случилось, и пришла в неопиcуемый восторг. «Я как будто раздвоилась! – подумала она. – Я жила двумя жизнями и могла смотреть на себя со стороны! Какое чудо. Интересно, это случайно приходит или можно делать так, когда вздумается? Я ведь видела себя глазами другого человека. Надо непременно рассказать Гарри!»

И тут Мэри представила себе другую картину: как она пытается объяснить мужу, что с ней случилось. А он смотрит на нее поверх газеты напряженным, озадаченным, почти страдальческим взглядом... Ведь Гарри всегда так искренне пытался понять, что она ему говорит. Пытался, но тщетно. Если Мэри расскажет ему о своем видении, он начнет задавать вопросы, обдумывать ее рассказ снова и снова, пока не погубит всю красоту. Нет, Гарри не нарочно портил жене удовольствие, просто иначе у него не получалось. Он проливал столько света на непостижимое, что все вокруг меркло. Нет уж, ничего она ему не расскажет! Когда-нибудь ей захочется снова выйти на улицу и испытать то же чувство, а если Гарри все испортит, ничего не получится.

С улицы она увидела, как муж положил газету на колени и посмотрел на дверь. Она поспешила домой и показала ему садовые ножницы, чтобы он убедился в справедливости ее опасений.

– Видишь, ржавчина уже проступила. К утру они бы стали совсем коричневыми.

Гарри кивнул и улыбнулся:

– В газете пишут, что из-за нового закона о ссудах у нас будут неприятности. Вечно нам вставляют палки в колеса! Не понимаю, чего они добиваются: должен же кто-то давать людям деньги, если они хотят взять взаймы.

– Я ничего не смыслю в ссудах, – сказала Мэри. – Кто-то мне говорил, что твоей компании принадлежат чуть ли не все автомобили в городе!

Гарри рассмеялся.

– Не все, конечно, но многие! В тяжелые времена деньги сами текут нам в карман.

– Звучит ужасно, – проговорила Мэри. – Вы как будто наживаетесь на людских бедах.

Гарри положил газету на столик рядом с креслом.

– А мне так не кажется, – сказал он. – Людям нужны деньги, и мы их даем. Процентные ставки регулируются государством. Мы ничего дурного не делаем.

Мэри положила свои красивые ручки с изящными пальцами на подлокотник кресла: именно в такой позе она увидела себя с улицы.

– Да, наверное, ты прав. Просто так звучит... словно вы пользуетесь людьми, когда им худо.

Гарри бросил на огонь долгий серьезный взгляд. Мэри хорошо знала мужа: его задела ее слова. Что ж, вреда не будет, если он увидит свою работу в истинном свете. Люди редко задумываются о правильности своих поступков, и Гарри будет полезно провести у себя в голове небольшую уборку.

Через несколько минут он посмотрел на Мэри и спросил:

– Милая, ты ведь не думаешь, что я нечестно обхожусь с людьми?

– Что ты, я ведь ничего не смыслю в ссудах. Разве я имею право говорить, что честно, а что нет?

– Но тебе *кажется*, что это нечестно? – упорствовал Гарри. – Тебе стыдно за мою профессию? Мне бы очень этого не хотелось.

Мэри стало радостно и приятно на душе.

– Да не стыдно мне, глупенький! Каждый имеет право зарабатывать себе на жизнь. Ты делаешь то, что умеешь лучше всего.

– Точно?

– Ну конечно, глупенький!

Мэри уже легла спать в своей отдельной спальне, когда дверная ручка едва слышно щелкнула и медленно повернулась. Но Мэри заперла дверь. То был сигнал: есть вещи, о которых она говорить не желает. Замок был ответом на вопрос – ясным, четким и решительным ответом. Впрочем, поведение мужа немного удивляло Мэри. Он всегда пробовал войти молча, словно хотел оставить свою попытку в секрете. Однако Мэри все слышала. Какой же он милый и кроткий! Ему будто бывало стыдно за себя, когда дверь оказывалась запертой.

Мэри потянула цепочку и погасила свет. Скоро глаза привыкли к темноте, и она посмотрела в окно на свой садик, залитый светом молодой луны. Гарри такой милый и понимающий... Вспомнить хоть тот случай с собакой. Он вбежал в дом запыхавшийся, а лицо у него было такое красное и взволнованное, что бедную Мэри едва не хватил удар. Она подумала, случилось что-то страшное, и от пережитого потом весь вечер страдала головными болями. А Гарри вбежал в дом и прокричал: «У Джо Адамса... собака ошенилась! Ирландский терьер! Он мне подарит одного щенка. У нас будет чистопородный пес, рыжий, как солнышко!» Гарри очень хотел собаку, и Мэри было больно лишать его этой мечты. Но он молодец, быстро все понял, когда она ему объяснила. Собака ведь непременно станет... пачкать в саду, раскапывать клумбы или хуже того – гонять птиц! Гарри все понял. Пусть сложные материи ему не очень давались (вроде того видения в саду), а вот насчет собаки он понял. Вечером, когда у Мэри разболелась голова, он утешал ее и ласково смачивал одеколоном виски. Ох уж эта богатая фантазия! Вот до чего доводит! Мэри словно бы наяву увидела вредного пса в своем садике, увидела разрытые клумбы и поломанные цветы. Это словно случилось на самом деле. Гарри было очень стыдно, но он ничего не мог поделать с ее разгулявшимся воображением. Мэри его не винила: откуда ему было знать?

V

Во второй половине дня, когда солнце скрывалось за холмом, наступала особая пора: «садовый час», как называла его Мэри. К ним приходила кухарка (старшеклассница из местной школы), и Мэри могла заняться любимым делом. Она выходила в сад и садилась на складной стул под дубками. Отсюда можно было сколько угодно любоваться птицами, слетавшими к пруду попить. В такие минуты Мэри действительно *чувствовала* свой сад. Гарри возвращался

домой с работы и поджидал жену за газетой: она выходила к нему счастливая, с сияющими глазами, и очень расстраивалась, если ее прерывали раньше времени.

Лето только-только началось. Мэри окинула взглядом кухню и убедилась, что все в порядке. Потом она прошла в гостиную и разожгла огонь в камине. Вот теперь все готово, можно отправляться в сад. Солнце как раз закатилось за холм, и среди дубков повисла голубая вечерняя прохлада.

Мэри подумала: «Такое чувство, будто в мой сад слетаются миллионы фей. По отдельности их не увидишь, но все вместе они меняют цвет воздуха». Она улыбнулась этой чудесной мысли. Подстриженная лужайка была еще влажной после недавнего полива. От ослепительно ярких цветков цинерарий в воздух поднимались маленькие цветные нимбы. Деревца фуксий тоже красовались летним убором: бутоны были похожи на рождественские гирлянды, а раскрывшиеся цветы – на балерин в пышных пачках. Мэри подумалось, что фуксии как нельзя лучше подходят ее саду. Да-да, идеальный выбор! И какой храбрый отпор они дают врагу – этим жутким диким зарослям на склоне холма!

Мэри прошла по лужайке и села на стул. Она слышала, как птицы собираются в зарослях, чтобы отправиться к ее пруду. «Сбиваются в компании, – подумала она, – чтобы всем вместе попировать в моем садике на закате дня. Как им тут здорово! Как бы мне хотелось впервые очутиться в своем саду! Если бы я могла раздвоиться... “Добрый вечер, давайте пройдем в сад, Мэри”. – “О, здесь чудесно!” – “Да, в это время дня сад особенно хорош. А теперь не шумите, не то распугаете птиц”». Она сидела тихо, как мышка, чуть приоткрыв губы от предвкушения. В кустах пронзительно защebetала перепелка. На край пруда слетела овсянка. Две мухоловки пронесли над водой и замерли в воздухе, часто-часто хлопая крыльями. А потом к пруду маленькими смешными шажками выбежали перепела. Они остановились и склонили головки набок: не подстерегает ли где опасность? Вожак, крупный самец с черным, похожим на вопросительный знак хохолком, протрубил сигнал к началу действий, и вся стая опустилась на пруд.

А потом случилось чудо. Из кустов выбежала белая перепелка. Мэри окаменела. Да-да, то была перепелка, но белая как снег! Ах, какая прелесть! Сладкий трепет охватил Мэри. Она затаила дыхание. Изящная белоснежная перепелочка подошла к краю пруда и встала подальше от своих товарок. Она задумалась на секунду, посмотрела по сторонам и опустила клювик в воду.

«Боже, да ведь она – вылитая я! – мысленно воскликнула Мэри. Ее тело задрожало в исступленном экстазе. – Это моя сущность, да, моя чистая и неразбавленная сущность! Наверное, она – перепелиная королева. Символ всего красивого и чудесного, что случалось со мной в жизни».

Белая перепелка снова окунула клюв в воду, а потом запрокинула голову, чтобы проглотить воду.

Разум и сердце Мэри вмиг наполнились обрывками воспоминаний. И эта странная грусть... Она вспомнила, как радостно было в детстве получать посылки. Развязывать бечевку, замирая от удовольствия... Вот только внутри всегда ждало разочарование...

Дивной красоты леденец из Италии.

– Не ешь его, милая. На вкус он обыкновенный, зато смотреть – одно удовольствие!

Мэри его не ела, но любовалась им с таким же исступленным экстазом.

– Ваша Мэри – просто красавица! Тихая, нежная, как лесной цветочек.

И эти слова она слушала с таким же исступленным экстазом.

– Мэри, доченька, крепись. Твой папа... твой папа умер.

Первая горечь утраты была сравнима с этим экстазом.

Белая перепелка расправила одно крыло и принялась чистить перышки.

«Это символ моей красоты, – подумала Мэри. – Это моя сущность, мое сердце».

VI

Голубоватый воздух окрасился багровым светом. Цветы фуксии вспыхнули в нем, точно свечки. И тут из кустов вышла серая тень. Мэри потрясенно раскрыла рот. Ее парализовал ужас. Она истошно закричала, и перепелки, забив крыльями, тут же вспорхнули в небо. Кошка шмыгнула обратно в кусты. Но Мэри все кричала, кричала, и на ее крик из дома выбежал Гарри.

– Мэри! Что такое, Мэри? Что случилось?

Она вздрогнула от его прикосновения. И истерически зарыдала. Он взял ее на руки и отнес в дом, положил на кровать. Мэри тряслась всем телом.

– Что с тобой, милая? Что тебя так напугало?

– Кошка, – простонала она. – Кошка кралась к моим птицам! – Мэри села. Ее глаза горели огнем. – Гарри, надо достать яду. Мы сегодня же отравим эту кошку, и дело с концом.

– Ложись, милая. У тебя шок.

– Пообещай, что сегодня же отравишь кошку. – Она заглянула ему в глаза и увидела, как в них загорелся мятежный огонек. – Пообещай.

– Дорогая, – виновато проговорил Гарри, – да ведь чья-нибудь собака может отравиться. Животные ужасно страдают от яда.

– Мне плевать! – закричала Мэри. – В моем саду никаких животных быть не должно!

– Нет, я не стану класть в саду яд! – отрезал Гарри. – Даже не проси. Я вот что сделаю: встану на рассвете, возьму свое новое ружье и выстрелю в кошку. Она испугается боли и никогда сюда не вернется. Пневматическое ружье хорошо стреляет, кошка такого не забудет.

Гарри впервые отказал в чем-то жене. Она не знала, как с этим бороться, но голова у нее разболелась не на шутку. Когда боль стала совсем невыносимой, Гарри попытался загладить вину: он смочил ватку одеколоном и помазал Мэри лоб. Она гадала, стоит ли рассказывать мужу про белую перепелку. Вряд ли он поверит, конечно. А может, он поймет, как это важно для нее, и отравит кошку? Мэри подождала, пока нервы немного успокоятся, и сказала:

– Дорогой, в сад сегодня прилетела белая перепелка.

– Белая? А ты уверена, что это не голубь?

Ну вот, опять он за свое! Умеет же все испортить!

– Уж перепелку от голубя я отличу! – воскликнула Мэри. – Она совсем близко сидела: дивная белая перепелочка.

– Ну надо же! – сказал Гарри. – Я и не знал, что такие бывают.

– Говорю ведь, я видела своими глазами.

Он смочил одеколоном ее виски.

– Наверное, альбинос. В перьях не хватает пигмента или что-нибудь в таком роде.

Мэри опять забилась в истерику.

– Ты не понимаешь! Эта белая перепелка – я! Моя непостижимая загадка, моя душа... – Гарри сморщил лоб, безуспешно пытаясь понять жену. – Ну как ты не понимаешь, милый? Кошка охотилась за мной. Она хотела убить *меня*. Поэтому я хочу ее отравить. – Мэри вгляделась в его лицо. Нет, он ничего не понял, да и мог ли понять? Зачем она вообще рассказала Гарри про перепелку? Это все нервы, не иначе. В нормальном состоянии ей бы и в голову такое не пришло.

– Я заведу будильник, – заверил он ее. – И утром проучу эту зловредную кошку.

В десять часов вечера Гарри оставил ее одну. Мэри заперла за ним дверь.

Утром она проснулась от его будильника. В спальне все еще было темно, но сквозь щели в занавесках пробивался серый утренний свет. Мэри услышала, как Гарри тихонько оделся, на цыпочках прошел по коридору мимо ее комнаты и осторожно прикрыл за собой входную

дверь. В руках у него было новенькое блестящее ружье. Почувств свежест серого утра, Гарри невольно расправил плечи и легко зашагал по росистой лужайке. В углу сада он остановился и лег на живот.

В саду постепенно светлело. Металлический перепелиный щебет уже звенел в воздухе. Небольшая бурая стайка подошла к краю кустов, и все птицы дружно склонили набок головы. Потом их вожак протрубил сигнал к действию, и его подопечные быстро-быстро зашагали к краю пруда. Через минуту показалась и белая перепелка. Она подошла к противоположному краю, окунула клювик в воду и запрокинула голову. Гарри поднял ружье. Белая перепелка посмотрела на него. Ружье злобно шепнуло, и птицы тут же разлетелись. Но белая перепелка вздрогнула, упала на бок и замерла.

Гарри медленно подошел и взял птицу на руки.

– Я не думал ее убивать, – сказал он себе. – Я только испугнуть хотел.

Он осмотрел белый трупик и заметил прямо под правым глазом отверстие. Потом шагнул к фуксиям и бросил мертвую птицу в кусты, но уже в следующий миг отшвырнул ружье, продрался сквозь кусты, нашел перепелку, отнес ее подальше на холм и зарыл там в палые листья.

Мэри слышала в коридоре его шаги.

– Гарри, ты подстрелил кошку?

– Больше она сюда не заявится, – ответил он через дверь.

– Надеюсь, ты ее убил. Только избавь меня от подробностей.

Гарри прошел в гостиную и сел в большое кресло. В комнате все еще стоял полумрак, но верхушки молодых дубков уже сияли в лучах раннего солнца.

– Какая же я сволочь, – пробормотал Гарри. – Какая гнусная сволочь – взял и убил несчастную тварь, которую она так полюбила! – Он уронил голову и посмотрел в окно. – Я одинок. Боже, как я одинок!

Побег

На западном побережье, примерно в пятнадцати милях книзу от Монтерейя, штат Калифорния, расположилась ферма семьи Торрес: несколько акров земли на склоне холма, который круто обрывался к бурым подводным скалам и пенным водам океана. За фермой поднимались в небо громады гор, и оттого постройки казались тлей, льнувшей к горным подножиям, чтобы ветер не сдул их ненароком в воду. Крошечная лачуга и разбитый, полусгнивший сарай были настолько изъедены морской солью и побиты влажным ветром, что со временем приобрели цвет гранитных холмов. Жили в них две лошади, рыжая корова и рыжий теленок, полдюжины свиней и несколько тощих пеструшек. На бесплодном склоне росло немного кукурузы: стебли растений от постоянного ветра стали короткими и толстыми, а початки образовывались только с подветренной стороны.

Мама Торрес, худая иссохшая женщина с древними глазами, правила фермой уже десять лет – с тех самых пор, как ее муж споткнулся в поле о камень и упал на гремучую змею. Когда человека кусают в грудь, поделаться уже ничего нельзя.

У мамы Торрес было трое детей: два чернявых недоростка двенадцати и четырнадцати лет, Эмилио и Роза, – их мама Торрес отправляла рыбачить на скалы под фермой, когда море было спокойное и школьный надзиратель уезжал в какой-нибудь дальний уголок округа Монтерей, – и Пепе, высокий улыбчивый юноша девятнадцати лет. Любвеобильный, нежный мальчик, только очень уж ленивый. У Пепе была вытянутая голова с заостренной макушкой, на которой росла густая копна черных кучерявых волос. Мама Торрес сделала ему прямую челку, чтобы он хоть что-то видел. У Пепе были острые индейские скулы и орлиный нос, зато губы – мягкие и нежные, как у девочки, а подбородок – точеный и хрупкий. Ноги и руки ему достались какие-то угловатые, развинченные, и никто не мог заставить его работать по хозяйству. Мама втайне считала его славным и храбрым мальчиком, но вслух только попрекала: «Видно, лень передалась тебе по отцовской линии, потому что в моей семье таких лодырей никогда не бывало». Или: «Когда я носила тебя в утробе, однажды из кустов вышел ленивый койот и эдак хитро на меня зыркнул. Видать, потому ты такой и уродился».

Пепе только смущенно улыбался и втыкал в землю свой складной ножик – чтобы лезвие не тупилось и не ржавело. Нож достался ему по наследству от отца – длинный тяжелый клинок, прячущийся в черную рукоять. На рукояти была маленькая кнопочка: нажмешь ее – и лезвие тут же выскочит. Пепе никогда не расставался с ножом, ведь он был отцовский – а значит, бесценный.

Как-то солнечным утром, когда синий океан под обрывом ярко сверкал, а подводные камни купались в белом прибое, и даже высокие горы имели благосклонный вид, мама Торрес открыла изнутри дверь лачуги и крикнула:

– Пепе, у меня для тебя поручение!

Ответа не последовало. Мама прислушалась. За сараем кто-то звонко смеялся. Она подобрала длинную тяжелую юбку и зашагала туда, откуда доносились детские голоса.

Пепе сидел на земле, опершись спиной на ящик и сверкая белоснежными зубами. По бокам от него стояли замершие в нетерпении малыши. В пятнадцати футах от них из земли торчал столб красного дерева. Рука Пепе безвольно лежала на коленях, сжимая в ладони нож. Сам Пепе с улыбкой смотрел в небо.

Вдруг Эмилио пронзительно крикнул:

– Йа!

В ту же секунду рука Пепе щелкнула, точно хлыст, и метнула нож: тот раскрылся уже в воздухе, и кончик лезвия с глухим стуком вонзился в столб, а черная рукоять мелко задрожала.

Все трое восхищенно засмеялись. Роза подбежала к столбу, выдернула нож и вернула его брату. Он спрятал лезвие, вновь сжал нож в безвольно повисшей руке и самодовольно улыбнулся небу.

– Йа!

Тяжелый нож стремительно вылетел из руки и опять воткнулся в столб. Мама Торрес медленно, как баржа, подплыла к детям и остановила игру.

– Весь день забавляешься с ножом, точно это игрушка! – заворчала она на Пепе. – А ну подымайся! На что тебе ноги – башмаки стирать? Вставай! – Она схватила его за развинченное плечо и встряхнула. Робко улыбаясь, Пепе неохотно поднялся на ноги. – А теперь слушай! – крикнула мама Торрес. – Сейчас пойдешь на холм, поймаешь там лошадь и наденешь на нее папино седло. Поедешь в Монтерей. У нас кончилось лекарство. Да и соль почти вышла. Ну, ступай за лошадью!

В расслабленном теле Пепе наметился бунт.

– В Монтерей? Я? Один? Si, мама.

Она нахмурилась:

– И не думай, остолоп, будто я позволю тебе купить конфет! Денег получишь ровно на лекарство и соль.

Пепе улыбнулся:

– Мама, а можно я надену шляпу с лентой?

Она тотчас растаяла:

– Конечно, Пепе.

– А зеленый шейный платок на шею? – мягким и вкрадчивым голосом спросил он.

– Так и быть, если обещаешь обернуться быстро и без приключений, зеленый платок тоже можешь взять. Только снимай его за едой, не то заляпаешь...

– Si, мама. Я аккуратно буду есть. Я уже взрослый.

– Ты-то? Взрослый? Букашка ты, а не взрослый!

Пепе отправился в хлипкий сарай, взял там веревку и пошел на холм ловить лошадь.

Отцовское седло было ветхое, так что под стершейся кожей тут и там проглядывал дубовый каркас. Когда Пепе поймал лошадь, оседлал и забрался на нее верхом, мама Торрес вынесла ему из дома круглую черную шляпу с кожаной лентой на тулье, а на шею повязала шелковый зеленый платок. Синяя джинсовая куртка Пепе была гораздо темнее брюк, потому что стирали ее куда реже.

Мама вручила сыну большой пузырек для таблеток и несколько серебряных монет.

– Это на лекарство, – сказала она, – а это на соль. И не забудь поставить в церкви свечку за папу. Это на сласти для малышей. Ужином тебя накормит моя подруга миссис Родригес, глядишь, и переночевать пустит. Когда придешь в церковь, десять раз прочти «Отче наш», двадцать пять – «Аве, Мария» и сразу выметайся оттуда! А то знаю я тебя, дубина стоеросовая: будешь весь день читать молитвы и глазеть на свечки да на иконы. Вредная это привычка – на красивые вещи заглядываться, понял?

В черной шляпе, прикрывавшей заостренную макушку и копну черных волос, Пепе выглядел совсем взрослым и серьезным. Да и в седле он хорошо держался. Мама Торрес подумала, какой у нее красивый, высокий, смуглый и стройный сын.

– Я б тебя, букашку, одного в город не отправила, да вот лекарство перевелось, – тихо сказала она. – А без лекарства нельзя, вдруг у кого зуб заболит или желудок расхворается? Всякое ведь бывает.

– Adios, мама! – воскликнул Пепе. – Я скоро вернусь, не переживай! Можешь посылать меня в город почаще. Я теперь взрослый!

– Глупый цыпленок ты, а не взрослый.

Пепе расправил плечи, щелкнул поводьями по лопаткам лошади и ускакал. Оглянулся он всего один раз: домашние еще стояли и смотрели ему вслед. Пепе гордо улыбнулся и пустил свою крепкую буланую лошадку рысью.

Когда он скрылся за небольшим уклоном дороги, мама повернулась к малышам, но обратилась не к ним, а скорее к самой себе:

– Он теперь почти мужчина. Наконец в доме опять будет мужчина! – Она посмотрела на детей, и взгляд ее стал суровее. – А ну ступайте на скалы. Сейчас будет отлив, насобираете морских ушек.

Она дала детям по железному крюку и отвела к крутому спуску на скалы. Потом взяла гладкий камень *метате* и села у дверей дома молотить кукурузную муку, время от времени поглядывая на дорогу, по которой ускакал Пепе. Наступил полдень, а затем и день: малыши отбивали мясо моллюсков о скалы, чтобы не было таким жестким, а мама Торрес раскатывала лепешки. Потом, когда красное солнце стало опускаться в океан, они поужинали. Вечером все сидели на ступеньках крыльца и следили за восходом белой луны.

Мама сказала:

– Сейчас он должен быть у моей подруги, миссис Родригес. Она накормит его вкусным ужином и что-нибудь подарит.

– Когда-нибудь я тоже поеду в Монтерей за лекарством. А Пепе правда стал сегодня мужчиной?

– Мальчик становится мужчиной, когда в доме нужен мужчина, – мудро ответила мама Торрес. – Запомни это. И сорокалетние детины на свете бывают, а все потому, что в мужчине нет нужды.

Вскоре они легли спать: мама улеглась на свою большую дубовую кровать в одном конце комнаты, а Эмилио и Роза свернулись в набитых сеном и овчиной ящиках на другом конце.

Луна потихоньку поднялась в небо, на скалах грохотал прибой. Закричали первые петухи. Океан успокоился и вкрадчиво зашептал у берегов. Луна покатила к океану. Петухи запели снова.

Перед самым рассветом, когда луна почти окунулась в воду, Пепе въехал на запыхавшейся лошади в родную долину. Его пес принялся скакать вокруг лошади и радостно тявкать. Пепе соскользнул с седла на землю. Ветхая лачуга блестела серебром в лунном свете, отбрасывая на северо-восток черную квадратную тень. На востоке громоздились горы, вершины их таяли в светлеющем небе.

Пепе устало поднялся по трем ступенькам и вошел в дом. Внутри было темно. Из угла раздался шорох и мамин крик:

– Кто идет? Пепе, ты?

– Si, мама.

– Ты купил лекарство?

– Si, мама.

– Тогда укладывайся. Я думала, ты заночуешь у миссис Родригес. – Пепе молча стоял в темноте комнаты. – Ну, чего стоишь? Вино пил, что ли?

– Si, мама.

– Тогда тем более укладывайся, проспись до утра.

– Зажги свечу, мама. – Голос у Пепе был усталый и терпеливый, но очень твердый. – Мне надо бежать в горы.

– Что стряслось, Пепе? Никак спятил! – Мама чиркнула спичкой и дождалась, пока та разгорится, затем зажгла стоявшую на полу свечу. – Ну, говори, Пепе, что это ты такое несешь?

Она с тревогой заглянула в его лицо.

Он изменился. Точеный подбородок больше не казался хрупким, губы стали тоньше и прямее, но самая крупная перемена произошла с глазами: смешливость и робость исчезли без следа.

Усталым монотонным голосом Пепе рассказал матери, что произошло. К миссис Родригес пришли гости, мужчины, и стали пить вино. Пепе тоже пил. Внезапно разгорелась ссора – один из гостей полез на Пепе, и тут все и случилось. Пепе моргнуть не успел, как нож будто сам вылетел из его руки. Пока он говорил, лицо мамы Торрес вытягивалось и становилось все строже. Наконец Пепе умолк.

– Теперь я мужчина, мама. Тот человек обзывал меня нехорошими словами, а я ему не позволил.

Мама кивнула:

– Да, теперь ты мужчина, бедный мой малыш Пепе! Ты мужчина, ясно как день. Я почувствовала, что так все и будет. Все смотрела, как ты ножом забавляешься, и боялась. – На миг ее лицо смягчилось и тут же вновь посуровело. – Пойдем, надо собрать тебя в дорогу. Живо! Разбуди Эмилио и Рози. Не мешкай.

Пепе пошел в другой угол, где среди овечьих шкур спали малыши. Он нежно потряс их за плечи.

– Вставай, Рози! Подымайся, Эмилио! Мама велела просыпаться.

Малыши сели и принялись тереть глаза кулачками. Мама Торрес уже встала с кровати и надела поверх ночной рубашки длинную черную юбку.

– Эмилио! – крикнула она. – Беги на холм и поймай для Пепе другую лошадь! Живо, живо!

Эмилио залез в комбинезон и сонно поплелся к двери.

– За тобой никто не поскакал? – спросила мама Торрес.

– Нет, я внимательно слушал. На дороге никого не было.

Мама заметалась по комнате, точно птица. Со стены она сняла брезентовый мех для воды и бросила его на пол. Потом стянула с кровати одеяло, скатала его рулоном и перевязала концы бечевкой. Из-за печки вытащила мешок из-под муки, в котором хранилось жилистое вяленое мясо.

– Вот черный плащ твоего отца, Пепе. Надевай.

Пепе стоял посреди комнаты и наблюдал, как мать хлопочет. Она вытащила из-за двери винтовку – длинный «винчестер 38-56» с натертым до блеска стволом. Пепе взял у матери ружье и зажал под мышкой. Она принесла кожаный мешочек и отсчитала ему все патроны.

– Осталось всего десять, – предупредила она. – Береги их!

Из-за двери высунулась голова Эмилио.

– *Aquí est el caballo*¹, мама.

– Сними седло с буланой. Одеяло не забудь привязать, а на луку прикрепи мешок с мясом.

Пепе все еще молча наблюдал за отчаянными мамиными хлопотами. Подбородок у него окреп, губы вытянулись в нитку. Маленькие глазки посматривали на мать почти с подозрением.

Рози тихонько спросила:

– А куда собирается Пепе?

Глаза мамы вспыхнули.

– Пепе теперь взрослый мужчина и едет по мужским делам.

Пепе расправил плечи. Его губы вытягивались в струнку, пока он сам не стал похож на маму.

Наконец сборы закончились. Нагруженный конь стоял у дверей. Из парусинового мешка на дорогу накапала полоска воды, спускавшаяся к заливу.

¹ Вот лошадь (разг. исп.).

Лунный свет к этому времени растворился в рассветном, и большая белая луна почти целиком погрузилась в океан. Семья стояла во дворе перед лачугой. Мама подошла вплотную к Пепе:

– Слушай внимательно, сынок! Езжай не останавливаясь, пока снова не стемнеет. Не отдыхай и не спи, даже если устанешь, и следи, чтобы конь тоже не останавливался. Береги пули: их всего десяток. Не объедайся вяленным мясом, не то дурно станет. Набивай живот травой, а мясо жуй понемногу. Коли в горах увидишь черных дозорных, не обращай на них внимания и заговорить с ними не пытайся. Да, и молиться не забывай!

Она положила иссохшие руки на плечи Пепе, привстала на цыпочки и чинно расцеловала в обе щеки. Пепе ответил тем же, потом подошел к малышам и тоже их расцеловал.

Наконец он вновь повернулся к матери. Ему хотелось на прощание увидеть ее доброй, мягкой, слабой. Он смотрел на нее заискивающе, но лицо мамы Торрес оставалось суровым и жестким.

– Езжай, – сказала она. – Не то тебя поймают, как цыпленка.

Пепе забрался в седло.

– Я мужчина, – сказал он.

Рассвет уже занялся, когда он въехал на холм и стал спускаться к небольшому каньону, по дну которого пролегала ведущая в горы тропа. Лунный свет всюду воевал с солнечным, и от этого на востоке ничего нельзя было разглядеть. Не проехал Пепе и сотни ярдов, как его силуэт расплылся и еще до входа в каньон превратился в неясную серую тень.

Мама Торрес напряженно стояла в дверях, держа за плечи малышей. Они то и дело украдкой косились на мать.

Когда серая тень Пепе растворилась на фоне холма, мама обмякла и подняла протяжный, тонкий погребальный плач.

– Красавец ты наш!.. Храбрый ты наш! – выла она. – Защитник ты наш, сыночек любимый! На кого же ты нас покинул? – Эмилио и Роза вторили матери. – Нет больше нашего красавца, нет храбреца!

То был церемонный плач. Пронзительный вой трижды сменился тихим стоном, после чего мама Торрес вошла в дом и закрыла за собой дверь.

Эмилио и Роза озадаченно посмотрели друг на друга в рассветных лучах. Из дома доносились рыдания матери. Дети уселись рядышком на краю обрыва.

– А когда Пепе успел стать мужчиной? – спросил Эмилио.

– Вчера вечером. В Монтерее, – ответила Роза.

Облака над океаном побагровели от солнца, которое еще пряталось за горами.

– Завтрака сегодня не будет, – сказал Эмилио. – Мама не захочет готовить.

Роза не ответила.

– Куда пошел Пепе? – спросил ее брат.

Девочка оглянулась по сторонам и тотчас придумала ответ:

– Он отправился в путешествие и больше не вернется!

– Он умер? Думаешь, он уже умер?

Роза снова посмотрела на океан. На горизонте маячил крохотный пароход, от которого поднималась тоненькая струйка дыма.

– Нет, пока еще живой.

Пепе положил винтовку поперек седла. Он отпустил поводья, чтобы конь сам поднимался на холм, и смотрел только вперед. Каменистый склон зарос низкими кустами: Пепе отыскивал среди них тропу и ступил на нее.

У входа в каньон он еще разок обернулся в седле, но ферма уже потонула в дымчатом свете. Пепе поскакал вперед, больше не оглядываясь. Склон каньона вздымался прямо над ним. Конь вытянул шею, вздохнул и пошел по тропе.

Тропа была старая, давно проторенная: влажная мягкая земля, посыпанная битым песчанником. Она обогнула склон каньона и круто спустилась на самое дно, по которому бежала река. На мелководье она была спокойной и весело сверкала в лучах восходящего солнца. Круглые камешки на дне были рыже-коричневые от водорослей. На песке вдоль берегов росла высокая и пышная дикая мята, а прямо из воды поднимался жесткий кресс-салат, выпустивший стручки и уже несъедобный.

Тропа нырнула в речку и появилась вновь на другом берегу. Конь с плеском вошел в воду и остановился. Пепе отпустил поводья и разрешил ему напиться.

Склоны каньона вскоре стали крутыми, и по обеим сторонам от тропы начали появляться первые гигантские стражи-секвойи с круглыми красными стволами и зеленой кружевной хвоей, напоминающей папоротники. Как только Пепе вошел под деревья, солнце исчезло. Пряный багровый свет таял в бледно-зеленом подлеске. Берега реки тонули в зарослях крыжовника, ежевики и высоких папоротниках, а ветви секвойи перекрывали небо.

Пепе напился воды, потянулся к мучному мешку и достал оттуда черную полоску вяленого мяса. Его белые зубы глодали полоску, пока твердые волокна не размягчились. Он медленно жевал, то и дело отхлебывая воду из брезентового меха. Его маленькие глазки закрывались от усталости, но мышцы лица были по-прежнему напряжены. Тропинка здесь стала совсем черного цвета и гулко стучала под копытами лошади.

Подъем становился все круче. У камней в реке образовывались маленькие водовороты. Венерин волос свешивал листья к самой воде, и она капала с кончиков обратно в реку. Пепе чуть съехал в седле набок, так что одна нога безвольно болталась в воздухе. Он сорвал с лаврового дерева листок и пожевал, чтобы хоть чем-то приправить сухое мясо. Винтовка все еще лежала перед ним поперек седла.

Внезапно он выпрямился, съехал с тропы и в спешке обогнул огромную секвойю, крепко придерживая поводья, чтобы конь не заржал. Лицо Пепе было напряжено, ноздри подрагивали.

Сначала издали донесся топот копыт, а потом мимо секвойи проскакал толстяк с багровыми щеками и короткой белой бородой. Его лошадь опустила голову и тихо заржала над тем местом, где Пепе свернул с тропы.

– Вперед! – приказал ей толстяк и дернул поводья.

Когда топот копыт стих вдалеке, Пепе вернулся на тропу. Больше он не давал себе поблажек и сидел в седле прямо, а винтовку зарядил и поставил курок на полувзвод.

Тропинка стала очень крутой. Секвойи здесь росли небольшие, с иссохшими, обкусанными сильным ветром верхушками. Конь послушно брел по тропе; солнце медленно ползло над их головами к зениту.

Пепе подъехал к месту, где река выходила из узкого бокового ущелья, а тропа сворачивала в другую сторону. Он спешился, напоил лошадь, наполнил водой брезентовый мех и поехал дальше. Когда река осталась в стороне, деревья вокруг тоже исчезли: тропу окаймляли заросли чапарала, толокнянки и полыни. Да и мягкой черной земли под копытами как не бывало – только светло-коричневый щебень, грохотавший так, что маленькие ящерки от страха юркали в кусты.

Пепе обернулся в седле. Вокруг ни деревца: его запросто могли увидеть издали. По мере того как он поднимался, местность становилась все более сухой, пересеченной и страшной. Тропа петляла между большими квадратными скалами. Серые кролики копошились в кустах. Воздух оглашал монотонный и пронзительный клекот какой-то птицы. На востоке вздымались бледные вершины гор, голые и сухие, точно присыпанные мукой. Конь Пепе все брел и брел по тропе, в сторону маленькой V-образной расщелины в горах – там был перевал.

Пепе то подозрительно косился назад, то осматривал горные вершины впереди. Один раз он заметил на голом белом отроге какой-то темный силуэт, но сразу отвернулся: то был черный дозорный. Никто не знал, кто эти дозорные, где они живут и что им нужно, но люди старались не обращать на них внимания и обходить стороной. Дозорные не тревожили тех, кто держался тропы и не совал свой нос, куда не просят.

Раскаленный воздух был полон легкой светлой пыли, которую ветер приносил с разрушающихся гор. Пепе сделал небольшой глоток воды из мешка, плотно его заткнул и повесил обратно. Тропа вела вверх по сухому глинистому склону, огибая скалы, ныряя в расселины, спускаясь в русла давно высохших ручьев и поднимаясь обратно. Подъехав к маленькому перевалу, Пепе долго смотрел назад. Черных дозорных он больше не увидел, на тропе тоже никого не было. Лишь верхушки секвой отмечали течение реки.

Пепе двинулся вперед. Его глазки почти слиплись от усталости, но лицо было по-прежнему суровое и очень мужественное. На перевале дул, вздыхая и свистя у обломанных краев гранитных скал, высокогорный ветер. В небе возле самого горного кряжа с яростным клекотом парил краснохвостый сарыч. Пепе медленно ехал по зазубренному перевалу и смотрел вперед, на другую сторону.

Тропа начала резко спускаться, петляя среди обломанных скал. У подножия склона была темная расселина, заросшая густым кустарником, а по другую ее сторону лежала небольшая равнина с дубовой рощицей посередине. Равнину пересекал шрам зеленой травы. А за ней поднималась еще одна гора, покрытая безжизненными скалами и иссохшими черными кустиками.

Пепе опять отпил из мешка: воздух был такой сухой, что горели губы, а ноздри изнутри покрылись корочкой. Затем Пепе снова пустил коня по тропе. Копыта скользили и едва удерживались на крутом спуске, сбрасывая вниз, в кусты, лавины мелких камешков. Солнце к этому времени уже закатилось за гору на западе, но по-прежнему ярко освещало дубы и поросшую зеленой травой равнину, а от скал все еще шел скопленный за день жар.

Пепе поднял глаза на вершину следующей горной гряды, такой же сухой и пыльной. На фоне неба темнел человеческий силуэт, и Пепе сразу отвернулся, а когда покосился туда еще раз, никого уже не было.

Спуск одолели быстро. Конь то поскальзывался, то мелко перебирал ногами, но в конце концов они оказались у подножия горы, где рос высокий темный чапараль, полностью скрывавший Пепе. Он взял винтовку в одну руку, а второй прикрыл лицо от острых хрупких когтей кустарника.

Пепе выбрался из расселины и поднялся на невысокий утес. Прямо перед ним расстилась травянистая равнина с манящей дубовой рощей посередине. Минуту Пепе смотрел назад, откуда пришел, но не заметил там ни движения, ни звуков. Наконец он поскакал вперед, к равнине и зеленой роще, у дальнего конца которой обнаружил родник: вода била из земли, собираясь в естественном углублении, и оттуда питала всю равнину.

Пепе наполнил мешок, разрешил напиться давно страдавшему от жажды коню, затем отвел его в рощицу, со всех сторон защищенную от посторонних взглядов, расседлал и положил всю упряжь на землю. Конь подвигал челюстями и зевнул. Пепе привязал его веревкой к молодому дубку, вокруг которого было много свободного места и зеленой травы.

Пока конь жадно глодал траву, Пепе подошел к седлу, взял из мешка полоску вяленого мяса и неторопливо направился к дубу на краю рощицы, откуда можно было наблюдать за тропинкой. Он уселся в ворох хрустящих листьев и машинально полез за большим черным ножом, чтобы нарезать мясо, да только ножа у него больше не было. Пепе впился зубами в твердые сухие волокна. Его лицо ничего не выражало, но это было лицо взрослого мужчины.

Яркий вечерний свет еще омывал восточную гряду, а в долине уже темнело. С холмов к роднику прилетели голуби, а из кустов, пронзительно крича друг дружке, стали выходить перепела.

Краем глаза Пепе заметил, как из заросшей кустами расселины вышла тень. Он осторожно повернулся: пятнистая дикая кошка медленно кралась к роднику, почти прижав живот к земле и двигаясь неслышно, как мысль.

Пепе взвел курок и осторожно повел дулом, потом с опаской посмотрел на тропу и убрал палец. Он поднял с земли дубовую веточку и швырнул ее в сторону родника. Перепела, громко забив крыльями, поднялись в воздух, голуби тотчас разлетелись. Кошка встала, смерила Пепе долгим взглядом холодных желтых глаз и бесстрашно зашагала обратно в расселину.

Сумерки быстро сгущались в глубокой долине. Пепе шепотом помолился, опустил голову и мгновенно уснул.

Взошла луна и залила равнину голубоватым светом; с горных вершин, шурша, слетал ветер. Вверх-вниз по склонам в поисках кроликов рыскали совы. Где-то в заросшей чапаралем расселине тараторил койот. Дубы тихо шептали на ветру.

Пепе резко поднял голову и прислушался. Его конь заржал. Луна почти ушла за западную гряду, и долина погрузилась во мрак. Пепе настороженно выпрямился и схватил винтовку. Далеко впереди, на тропе, раздалось ответное ржание и грохот подкованных копыт по щебню. Пепе вскочил на ноги, подбежал к коню и повел его под деревьями. Затем накинуд на него седло, крепко затянул подпругу, потому что им предстоял крутой подъем, и силой вложил удила в сопротивляющийся рот. Ощупал седло, проверяя, на месте ли вода и мешок с мясом. Наконец Пепе сел на коня и поскакал к холму.

Стояла бархатная ночь. Конь нашел, где тропа выходила из рощи, и начал подниматься в гору, скользя и спотыкаясь на камнях. Рука Пепе взлетела к голове: шляпы не было. Он забыл ее под дубом.

Конь еще взбирался на склон, когда с воздухом стали происходить первые, сулящие рассвет перемены: он приобрел стальной серый цвет, тщательно смешанный с ночным мраком. Вскоре перед Пепе вырисовался неровный, зазубренный горный гребень – изъеденный и истертанный ветрами времени гранит. Пепе бросил поводья на переднюю луку, давая коню полную свободу в поиске дороги. В темноте кусты без конца хватили его за ноги, пока не разорвали брючину.

Постепенно через горную гряду стал переливаться первый утренний свет. Из полумрака начали проступать силуэты иссохших кустов и камней, с высоты казавшиеся странно одинокими. А потом свет потеплел. Пепе натянул поводья и обернулся, но в оставшейся внизу темной равнине ничего нельзя было разглядеть. Небо над встающим солнцем голубело. Здесь, на бесплодной горной почве, росли только сухие невысокие кусты, да вздымались тут и там глыбы обнажившегося гранита, похожие на рассыпающиеся в прах дома. Пепе немного успокоился. Он попил воды и съел полоску мяса. Высоко в светлом небе пролетел орел.

Внезапно конь Пепе резко заржал и стал заваливаться на бок. Он уже почти упал на землю, когда в долине грянуло эхо выстрела. Из раны за напряженным плечом хлынула струя крови: она то останавливалась, то била опять, то останавливалась, то била... Копыта сучили по земле. Пепе, наполовину оглушенный, лежал рядом с конем. Он медленно приподнял голову и посмотрел вниз. Тут же рядом с его головой упала срезанная веточка полыни, и между склонами каньона загрохотало эхо очередного выстрела. Пепе кинулся за ближайший куст.

Он на коленях пополз вверх по склону, помогая себе одной рукой, а в другой держа винтовку. Пепе двигался с животной осторожностью, быстро пробираясь к гранитной глыбе наверху. Там, где кусты были повыше, он вставал и бежал на согнутых ногах, а на открытых участках полз на животе, толкая перед собой винтовку. Последний участок пути был совершенно голый. Пепе на секунду замер и стрелой рванул к следующей гранитной глыбе.

Тяжело дыша, он прислонился спиной к камню. Когда дыхание немного восстановилось, он дошел по стенке до узкой трещины, сквозь которую можно было увидеть склон холма. Пепе лег на живот, просунул ствол винтовки в щель и стал ждать.

К этому времени солнце уже обагрило западные края. К тому месту, где лежал мертвый конь, начали слетаться грифы. Небольшая бурая птица копалась в листьях полыни прямо перед дулом винтовки. Парящий в небе орел полетел к восходящему солнцу.

Пепе увидел в кустах внизу какое-то шевеление и покрепче стиснул винтовку. В следующий миг на тропу изящно вышла маленькая лань, пересекла ее и скрылась в кустах на другой стороне. Пепе терпеливо ждал. Далеко внизу расстилалась равнина с дубками и зеленой полоской травы. Тут глаза Пепе метнулись обратно на тропу: в миле от него, в зарослях чапарала что-то быстро промелькнуло. Пепе совместил мушку с прорезью в прицельной планке, прицелился и немного поднял целик. Движение в кустах повторилось. Пепе прицелился поточнее и наконец спустил курок. Грохот выстрела скатился по склону горы, взлетел на противоположный и эхом вернулся обратно. Все на холме замерло, а в следующий миг по граниту в трещине что-то чиркнуло, свистнула пуля, и снизу грянул выстрел. Пепе почувствовал резкую боль в правой руке. Между костяшками указательного и среднего пальцев виднелся осколок гранита, пронзивший руку насквозь: острое торчало из ладони. Пепе осторожно вынул камень. Кровь побежала ровно и спокойно – значит, все вены и артерии целы.

Пепе увидел в скале небольшую пыльную пещерку, сунул руку внутрь и набрал пригоршню паутины, которую смял в комок. Он припечатал его к ране, вминая мягкую паутину прямо в кровь. Она остановилась почти сразу.

Винтовка лежала на земле. Пепе поднял ее, зарядил новым патроном и лег в кусты на живот. Он прополз далеко вправо и, не вставая, стал медленно и осторожно взбираться на холм, время от времени останавливаясь передохнуть.

В горах солнце проникает в ущелья не сразу, ему надо подняться повыше. Но вот его жаркий лик выглянул из-за холма и мгновенно принес с собой зной. Белый свет падал на камни, отражался от них и прозрачными струйками опять поднимался в воздух: камни и кусты за ними тоже как будто дрожали.

Пепе все полз и полз вверх по склону, делая зигзаги, чтобы не подставляться под пули. Глубокая рана между костяшками начала пульсировать. Сам того не зная, Пепе прополз мимо гремучей змеи: она подняла голову и тихо, предостерегающе загромоздила хвостом. Он тотчас отшатнулся и пополз в другую сторону. Быстрые серые ящерики то и дело мелькали у него под носом, взметая за собой крошечные пыльные вихри. Пепе нашел еще одну большую паутину, смял и прижал комок к пульсирующей ране.

Теперь он толкал винтовку левой рукой. С кончиков его жестких черных волос на лоб и щеки стекали капельки пота. Губы и язык начали пухнуть. Пепе пошевелил губами, чтобы во рту образовалось хоть немного слюны. Его черные глаза с опаской и тревогой смотрели по сторонам. Когда на выжженной земле впереди остановилась ящерица, Пепе взял камень и раздавил ее.

Солнце миновало зенит, а Пепе еще не одолел и мили. Последние сто ярдов до высоких зарослей толокнянки он полз изнуренно, на последнем издыхании, а когда наконец дополз, то протиснулся между твердых узловатых стволов и уронил голову на здоровую руку. Тощие кустики почти не давали тени, зато давали укрытие. Пепе сразу уснул, хотя солнце жарило ему спину. То и дело к нему подсакивали маленькие птички, смотрели с любопытством и улетали прочь. Во сне Пепе корчился от боли, вновь и вновь поднимая и роняя больную руку.

Солнце скрылось за горными вершинами, наступил прохладный вечер, а потом и стемнело. Где-то на холме завыл койот: Пепе испуганно очнулся и оглянулся по сторонам сонными глазами. Кисть распухла и отяжелела; вдоль всей руки, по внутренней ее стороне, протянулась ниточка боли, которая заканчивалась где-то под мышкой. Пепе осмотрелся и встал, потому что вокруг была чернота: луна еще не взошла. Несколько минут он неподвижно стоял в темноте. Отцовский плащ давил на больную руку. Язык так распух, что едва помещался во рту. Пепе кое-как стянул с себя плащ, бросил его в заросли толокнянки и стал с трудом подниматься на

холм, спотыкаясь о камни и продираясь сквозь кусты. Винтовка стучала по камням. Маленькие лавины гравия и пыли вырывались из-под ног и с шепотом летели вниз по склону.

Вскоре на небо вышла старуха луна, и впереди вырисовались очертания вершины. При лунном свете идти было проще. Пепе шел, чуть склоняясь вперед, чтобы больная рука свободно висела в воздухе. Его подъем состоял из отчаянных коротких рывков и минутных привалов. С вершины, гремя сухими стеблями диких кустарников, непрестанно дул ветер.

Луна была в зените, когда Пепе наконец добрался до острого хребта. Последние сто ярдов он шел по голому камню: землю здесь давно выдули ветра. Пепе забрался на вершину и посмотрел вниз. Там был такой же узкий каньон, как и оставшийся позади, чуть мглистый в лунном свете, заросший сухой полынью и чапаралем. Следующая гора резко поднималась в небо, на фоне которого были четко видны ее кривые гнилые зубы. На дне росли густые темные кусты.

Пепе стал спускаться по склону. Глотка слипалась от жажды. Он попытался было бежать, но тут же упал и покатился кубарем. После этого он вел себя осторожнее. Луна как раз скрывалась за горами, когда Пепе одолел спуск. Он ползком забрался в кусты, нащупывая пальцами воду. Нет, в русле никакой воды не было, только влажная почва. Пепе положил винтовку на землю, набрал пригоршню грязи и сунул в рот, но тут же выплюнул и стал отскребать землю с языка: она стянула рот, как примочка. Пепе принялся рыть в русле яму, чтобы собрать воды, однако вскоре уронил голову на влажную землю и заснул.

Поднялось солнце, и на землю опять сошел зной, а Пепе все еще спал. Только в разгаре дня его голова вдруг дернулась. Он медленно осмотрелся. Его глаза превратились в маленькие настороженные щелки. В двадцати футах от него, в густых зарослях кустарника стояла большая рыжевато-коричневая пума. Навострив уши и опасно припав к земле, она изящно помахивала длинным толстым хвостом и смотрела на Пепе. Потом она легла, не сводя с него глаз.

Пепе заглянул в ямку, прорытую в русле ручья. На самом дне скопилось полдюйма грязной воды. Он оторвал правый рукав, зубами вырвал из него лоскут, намочил в воде и обсосал, потом еще, еще и еще.

Пума по-прежнему сидела и смотрела на Пепе. Наступил вечер, но на склонах не было никакого движения: птицы не спускались в этот сухой каньон. Пепе время от времени смотрел на пуму. Веки зверя как будто начали смыкаться, пума зевнула и показала Пепе тонкий красный язык. Внезапно ее голова дернулась, а ноздри задрожали. Длинный хвост забил из стороны в сторону. Пума встала и бежевой тенью скользнула в густые кусты.

Минуту спустя Пепе тоже услышал звук: далекий топот лошадиных копыт по гравиям. И еще кое-что: пронзительный собачий лай.

Пепе взял винтовку в левую руку и почти так же бесшумно, как пума, скользнул в кусты. В сгустившихся вечерних сумерках он пополз по склону к очередной вершине и выбрался наверх только с наступлением темноты. Силы его почти иссякли. В темноте он постоянно спотыкался о камни и падал на колени, но продолжал подъем, карабкаясь по изломанному склону.

Почти на самой вершине Пепе лег и немного поспал. Его разбудила древняя морщинистая луна, осветившая ему лицо. Он встал и пошел дальше, а ярдов через пятьдесят остановился и вернулся назад, вспомнив, что забыл винтовку. Он ходил среди кустов и щупал землю, но ружья нигде не было. Наконец он прилег отдохнуть. Боль под мышкой стала гораздо ощутимее, а рука словно вспухала и опадала при каждом ударе сердца. Пепе никак не мог устроиться так, чтобы тяжелая рука не давила на ноющую подмышку.

С последним усилием умирающего животного Пепе встал и снова пошел к вершине. Больную руку он придерживал здоровой, чтобы она не касалась тела. Пепе тащился из последних сил: несколько шагов и отдых, потом еще несколько шагов. Наконец вершина стала приближаться. Луна высвечивала ее неровные зубцы на фоне неба.

Сознание вдруг покинуло Пепе и рвануло по спирали вверх. Он рухнул на землю и замер. Хребет был всего в сотне футов от него.

Луна ползла по небу. Пепе немного развернулся, лежа на спине. Губы и язык пытались складывать слова, но выходило только неясное шипение.

С наступлением рассвета Пепе сумел взять себя в руки. Взгляд снова стал осмысленным. Он поднес к глазам огромную распухшую кисть и пригляделся к страшной ране. Яркая черная полоска бежала от запястья к подмышке. Пепе машинально потянулся за ножом, но не нашел его. Он осмотрел землю под ногами, подобрал острый камень и стал царапать им рану, пилить разбухшую плоть, пока не выдавил из нее несколько крупных капель зеленого гноя. Пепе запрокинул голову и заскулил, как собака. Вся правая половина тела затряслась от боли, зато боль прочистила голову.

В сером свете восхода он поднялся на последнюю вершину и бессильно повалился рядом с невысокой каменной грядой. Внизу простирался точно такой же каньон, как и предыдущий: иссохший и необитаемый. Ни равнины с дубами и травой, ни даже густых зарослей на дне: только чахлые кустики полыни да обломки гранита. По всему склону были рассыпаны огромные глыбы, и вершину тоже венчали гранитные зубы.

Новый день набирал силу. Из-за гор вышло огненное солнце, и лучи обожгли лежащего на земле Пепе. В его жесткие черные волосы набились веточки и клочья паутины. Глаза закатились. Между губ виднелся кончик черного языка.

Он сел, втащил на колени огромную раздувшуюся руку и стал баюкать ее, раскачиваясь всем телом и стеная, потом откинул голову и посмотрел в бледное небо. Высоко-высоко над ним кружила почти невидимая черная птица, а чуть левее и ближе – еще одна.

Пепе прислушался: из долины, откуда он только что выбрался, донесся знакомый звук. То был взбудораженный и яростный лай собак, взявших след.

Пепе тут же уронил голову. Он пытался что-то пробормотать, но с губ сорвалось только неясное шипение. Дрожащей рукой Пепе перекрестился. Ему пришлось очень постараться, чтобы встать на ноги. Он медленно и не отдавая себе в этом отчета побрел к большой скале на вершине. Там он кое-как выпрямился, шатаясь из стороны в сторону, и расправил плечи. Далеко внизу темнели кусты, в которых он спал. Пепе держался из последних сил, но стоял – черный силуэт на фоне утреннего неба.

В воздухе у его ног что-то просвистело. С земли подскочил камешек, и пуля улетела в следующий каньон. Снизу гулко грянуло эхо выстрела. Пепе на секунду опустил голову, потом снова заставил себя выпрямиться.

Его тело дернулось назад. Левая рука беспомощно порхнула к груди. Внизу прогремел второй выстрел. Пепе качнулся вперед и упал со скалы. Тело ударилось о землю и кубарем покатилося вниз, взметнув за собой маленькую пыльную лавину. Когда Пепе наконец врезался в кусты и замер, лавина медленно подползла и накрыла его с головой.

Змея

Уже почти стемнело, когда молодой доктор Филипс закинул за спину мешок и пошел прочь от приливной заводи. Возбравшись на каменистую насыпь, он неуклюже затопал по улице в высоких резиновых сапогах. Фонари уже зажгли, когда он подошел к своей небольшой коммерческой лаборатории на Консервном ряду Монтерея. Приземистое, крепко сбитое здание задней частью опиралось на сваи, уходящие в воду бухты, а передней стояло на земле. С обеих сторон его теснили консервные цеха, крытые рифленным железом.

Доктор Филипс поднялся по деревянным ступеням на крыльцо и открыл дверь. Белые крысы лазали туда-сюда по прутьям клеток, пленные кошки в вольерах требовали молока. Доктор Филипс включил ослепительно яркий свет над секционным столом и бросил мокрый липкий мешок на пол. Затем подошел к стеклянным террариумам у окна, где жили гремучие змеи, и заглянул внутрь.

Змеи свились в кучу и отдыхали, но все головы были видны; пыльные глаза смотрели будто бы в никуда, однако стоило доктору Филипсу прислониться к стеклянной стенке вольера, как змеи высунули тонкие раздвоенные языки – черные на кончиках, розовые у корня – и медленно закачались вверх-вниз. Потом они узнали доктора и, успокоившись, спрятали языки.

Доктор Филипс скинул кожаную куртку и разжег в крошечной печурке огонь. Поставил на нее котелок, поместил в воду банку консервированных бобов и стал ждать, разглядывая мешок на полу. Доктор Филипс был худощавым молодым человеком с короткой светлой бородой и мягким озабоченным взглядом, какой часто встречается у людей, проводящих за микроскопом по несколько часов в день.

По трубе со свистом пошла тяга, и от печки пахнуло теплом. С улицы доносился плеск волн о сваи под лабораторией. Полки по стенам комнаты были заставлены ярусами банок с заспиртованными морскими тварями – на доходы от продажи этих тварей и жила лаборатория.

Доктор Филипс открыл дверь и вошел в свою спальню – заваленную книгами каморку, где из всей мебели была только армейская койка, настольная лампа да неудобный деревянный стул. Доктор Филипс стянул сапоги и надел домашние тапочки из овчины. Когда он вернулся в лабораторию, котелок на печке уже начал гудеть.

Доктор Филипс поднял мешок с пола и рядком выложил на секционный стол две дюжины обыкновенных морских звезд. Его озабоченный взгляд обратился к крысам в проволочных клетках. Он взял с полки бумажный пакет и стал подсыпать в кормушки зерно. Крысы тут же отвлеклись от лазания по прутьям и набросились на еду. На полке между небольшим заспиртованным осьминогом и медузой стояла бутылка молока. Доктор Филипс взял ее и направился к кошачьему вольеру, но прежде чем разлить молоко по блюдечкам, бережно вытащил из клетки поджарую полосатую кошку, погладил ее и засунул в небольшой черный ящик. Он закрыл крышку на засов и отвернул краник, пускавший в газовую камеру смертельный газ. Пока в черном ящике шла недолгая, почти бесшумная борьба, доктор Филипс разлил в блюдечки молоко. Одна из кошек выгнула спину и прильнула к его руке. Он улыбнулся и ласково погладил ее по шее.

В ящике все стихло. Доктор Филипс закрутил краник: герметичный ящик к этому времени уже наполнился газом.

На плите вода вовсю бурлила вокруг консервной банки с бобами. Доктор Филипс взял большие щипцы, вытащил ее, вскрыл и выложил бобы на большую стеклянную тарелку. За едой он разглядывал выловленных в заводи морских звезд. Между их лучами уже проступили капельки млечной жидкости. Доктор Филипс быстро проглотил остатки бобов, поставил тарелку в раковину и подошел к шкафчику с оборудованием. Оттуда он достал микроскоп и стопку маленьких стеклянных блюдец. Каждое блюдце он заполнил морской водой из крана и

расставил их напротив звезд. Волны с легкими вздохами плескались о сваи под полом. Доктор взял из шкафчика пипетку и склонился над звездами.

В эту секунду кто-то вошел по деревянным ступеням на крыльцо и громко постучал в дверь. По лицу молодого человека пробежала едва заметная тень раздражения, и он пошел открывать. На пороге стояла высокая стройная женщина, одетая в строгий темный костюм. Ее прямые черные волосы над очень низким лбом были слегка растрепаны, как будто их взьерошил сильный ветер. Черные глаза сверкнули в ярком свете лаборатории.

Она заговорила тихим грудным голосом:

– Можно войти? Мне бы хотелось с вами поговорить.

– Я сейчас очень занят, – нерешительно пробормотал доктор Филипс. – Иногда приходится работать, знаете ли. – И все же он отошел от двери, пропуская гостью. Она скользнула внутрь.

– Я посижу тихо, пока вы не освободитесь.

Доктор Филипс закрыл дверь и принес из спальни неудобный стул.

– Видите ли, – извинился он, – процесс уже начался, и я должен работать. – В лабораторию часто забредали любопытные и задавали всякие вопросы. На самые простые он давно заготовил стандартные ответы и мог говорить не задумываясь. – Присядьте вот сюда. Через несколько минут я вас выслушаю.

Высокая женщина прислонилась к столу. Молодой человек взял пипетку, набрал в нее жидкость, собравшуюся между лучами морских звезд, и выдавил ее в блюдце с морской водой. Потом собрал немного млечной жидкости, выдавил ее туда же и осторожно размешал.

– Когда морские звезды достигают половой зрелости, – начал тараторить он, – во время отлива они выделяют сперму и яйцеклетки в морскую воду. Видите, я набрал зрелых особей и вытащил из воды, таким образом поместив их в условия отлива. Потом смешал сперму с яйцеклетками и теперь хочу разлить эту жидкость в десять разных блюдец. Через десять минут я убью ментолом тех, что остались в первом блюдце, еще через двадцать – во втором, а дальше каждые десять минут буду убивать по группе. Таким образом мне удастся остановить процесс на различных стадиях и изучить его под микроскопом. – Он умолк. – Хотите взглянуть на первую группу в микроскоп?

– Нет, спасибо.

Он быстро повернулся к женщине. Странно, люди обычно сами просят заглянуть в микроскоп. А она вообще не смотрела на стол, только неотрывно глядела на него. Вернее, *сквозь* него. Тут доктор Филипс сообразил, почему у него возникло такое чувство: радужная оболочка ее глаз была того же черного цвета, что и зрачки, между ними не проходило никакой границы. Слова женщины задели доктора Филипса за живое. Хотя ему давно наскучило отвечать на привычные вопросы, отсутствие интереса к его работе раздражало не меньше. В нем поднялось желание растормошить эту женщину.

– Что ж, за эти десять минут я успею сделать другое дело. Некоторые отказываются на это смотреть. Возможно, вам лучше уйти в другую комнату, пока я не закончу.

– Нет, – ровным голосом ответила она. – Делайте что хотите. Я подожду. – Ее руки аккуратно легли на колени. Она полностью владела собой и была совершенно невозмутима. Глаза ее ярко блестели, но все остальное тело как будто застыло, погрузилось в ступор.

Доктор Филипс невольно подумал: «Низкий уровень метаболизма. Судя по виду, почти как у лягушки». Им вновь овладело желание удивить гостью, вывести ее из этого ступора.

Он поставил на стол небольшой деревянный лоток, разложил скальпели и ножницы, затем вставил в нагнетательную трубку большую полую иглу. Вытащив из газового ящика мертвую кошку, он распластал ее на деревянном лотке, привязав лапы к специальным крючкам. Украдкой покосился на женщину. Та и бровью не повела – сидела так же спокойно и неподвижно, как раньше.

Кошачья пасть ухмылялась яркому свету: розовый язычок торчал между острыми, как иголки, зубами. Доктор Филипс уверенно вспорол ей глотку, сделал скальпелем надрез и нашел артерию. Отточенным движением ввел иглу в кровеносный сосуд и перевязал его.

– Бальзамирующий состав, – пояснил он госте. – Позже я введу в венозную систему желтую жидкость, а в артериальную – красную. Это наглядный материал. Для уроков биологии.

Доктор Филипс снова обернулся. Темные глаза женщины словно подернулись слоем пыли. Она без всякого выражения на лице смотрела на вскрытую кошачью глотку. Надрез был выполнен мастерски, без единой капли крови. Доктор Филипс взглянул на часы.

– Пришло время первой группы.

Он вытряхнул в первое блюдо несколько кристаллов ментола.

Женщина выводила его из равновесия. Крысы опять взялись за свое: ползали по прутьям клетки и тихо пищали. Волны плескались о сваи под лабораторией.

Доктора Филипса пробил озноб. Он подбросил в печку несколько кусков угля и сел.

– Ну вот, теперь у меня есть двадцать минут.

Он заметил, что у его гостя необычно маленький подбородок, который заканчивается чуть ли не сразу под нижней губой. Тут она словно пробудилась от забытья, медленно вышла из глубин своего сознания. Голова приподнялась, а затянутые пылью темные глаза обвели комнату и вернулись к доктору Филипсу.

– Я ждала, – сказала она. Ее руки по-прежнему лежали рядышком на коленях. – У вас есть змеи?

– Да, конечно! – довольно громко ответил он. – У меня примерно две дюжины гремучих змей. Я сцеживаю яд и отсылаю его в лаборатории, которые занимаются изготовлением противоядий.

Женщина продолжала смотреть на доктора, вот только ему казалось, что он вместе с остальными предметами просто попадает в поле ее зрения.

– А самец гремучей змеи у вас есть?

– Кстати говоря, есть. Я как раз недавно об этом узнал. Прихожу утром в лабораторию и вижу: большая змея... спаривается с другой, поменьше. В неволе это очень редкое явление. Так что теперь я точно знаю, кто из них самец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.